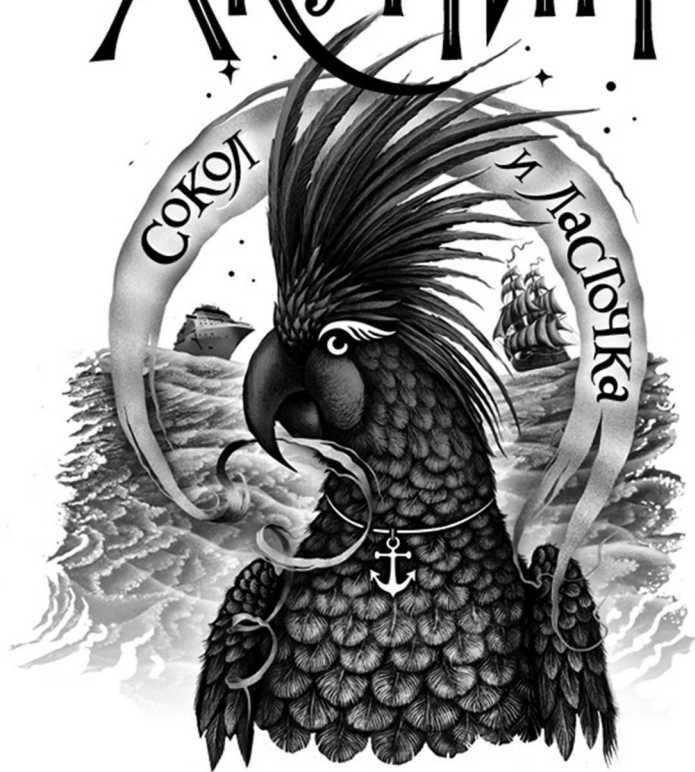

Борис АКУНИН

Издательство АСТ
Москва

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИТАЕТ ПИСЬМО

«С.-М. 25 февраля 1702 года

*Моя истинно любимая Беттина,
В соответствии с Уроками эпистолярного Этикета, преподанными незабвенной Мисс Хеджвуд, Письмо Персоны, находящейся в длительном Путешествии, должно начинаться с Благопожелания Адресату, затем коротко коснуться Сфер небесных, сиречь Погоды, оттуда перейти к Области земной, сиречь описанию Места Пребывания, и лишь после этого плавно и размеренно, подобно Течению Равнинной Реки, следовать по Руслу приключившихся Событий, перемежая оные глубокомысленными, но не утомительными Рассуждениями и высококонфликтными Сентенциями.*

Что же, попробую.

Будь здорова, крепка Духом и не унывай, насколько это возможно в твоём Положении. Пусть дорогие мне Стены служат не только Убежищем твоему бедному Телу, но и Опорой твоей кроткой Душе. Таково моё тебе Благопожелание, и больше, памятуя о своём Обещании, не коснусь сего грустного Предмета ни единым Словом.

О небесных Сферах лучше умолчу, чтобы не сбиться на Выражения, недопустимые в благонаправном Письме.

Во всё Время моего Путешествия Погода была гнусной, а Небо сочилось Дождём, мокрым Снегом и прочей Дрянью, напоминая вечно хлюпающий Нос Господина Обер-коммерцсоветника. Ах, прости! Сравнение само соскочило с Кончика моего Пера.

Не ласкала моего Взора и Область земная. Нынешняя Война мечет свои Громы и Молнии вдали от моего Маршрута, но Дороги за германскими Пределами отвратительны, постоялые Дворы нечисты, а Извозчики вороваты, однако я не стану тратить Время на Сетования по столь малозначительному Поводу, ибо здесь, в Городе, куда так рвалась нетерпеливая Душа моя, довелось мне столкнуться с Нечистой и Вороватостью куда горшего Толка.

Честно признаюсь тебе, милая моя Беттина, что пребываю в Страхе, Тревоге и Малодушии. Препятствия, возникшие на моём Пути, оказались труднее, чем представлялось издалика. Но, как говорил когда-то мой дорогой Отец, ободряя меня перед Скачкой через Барьеры, Страх для того и существует, чтоб его побеждать, а Препятствия ниспосылаются нам Господом, дабы мы их преодолевали.

Это, как Ты несомненно поняла, была высококонтрастная Сентенция, от которой я сразу перейду к глубокомысленному Рассуждению.

Чему быть, того не миновать, а бегать от своей Судьбы в равной Степени недостойно и глупо. Всё равно не убежишь, лишь потеряешь Самоуважение и Честь.

Моя Судьба, похоже, уготовила мне Дорогу гораздо более трудную и долгую, чем мнилось нам с Тобой. Город С.-М., самое имя которого сделалось мне до того неприятно, что я предпочитаю обозначать его лишь первыми Буквами, очевидно, превратился из конечно-

го Пункта моей Поездки в отправную Точку Путешествия гораздо более дальнего и опасного. Боюсь, у меня нет иного Выхода.

Арматор Лефевр, в переписке казавшийся столь любезным и покладистым Джентльменом, искренне заинтересованным в Успехе моего Предприятия, при Встрече оказался Выжигой наихудшего Сорта.

Назначенная им Цена многократно выше той, о коей мы сговорились, но это ещё Полбеды. Гораздо тягостнее дополнительные Условия, от которых я не могу отказаться, а ещё более того томят меня недоброе Предчувствие и тягостное Недоверие, которое вызывает у меня этот Человек.

Но чему быть, того не миновать. Лишние Расходы меня не остановят, ибо Сокровище, за которым я отправляюсь, с избытком окупит любые Траты, ибо воистину на свете нет Приза дороже этого. Что ж до Опасностей, то страшиться их простительно, а готовиться к ним даже необходимо, но Стыд тому, кто из Боязни отказывается от высокой Цели.

Прости, что пишу сбивчиво и не называю Вещи своими Именами, но в эти смутные Времена ни к чему доверять Бумаге лишнее, а предстоящее мне Плавание не совсем безупречно с Точки Зрения Закона.

Думаю, ты и так поняла, что я отправляюсь в Путь лично. Иначе у меня не будет Уверенности, что Дело исполнится должным образом.

В конце концов, чтоб добраться до С.-М., мне пришлось потратить почти столько же Времени, не говоря о перенесённых мною Испытаниях. Когда я расскажу тебе о них, ты содрогнёшься.

Итак, страшись за меня: я попаду во Владения ужасного Мулая.

*Завидуй мне: я увижу сказочные Чудеса.
Молись за меня — я очень нуждаюсь в Молитве чи-
стого Сердца.
Твой самый любящий и верный Друг Этин ».*

Николай Александрович Фандорин перевернул ломкий лист, покрытый ровными строчками буро-коричневого цвета. То, что почерк был старинным, а чернила выцвели, беглому чтению не помешало. У магистра истории имелся большой опыт расшифровки старинных документов, часто находившихся в куда худшем состоянии.

Теплоход слегка качнуло на волне. Пришлось на секунду прикрыть глаза — сразу подкатила тошнота. Вестибулярный аппарат никак не желал привыкать к качке. Впрочем, Ника не мог читать даже в машине, на идеально ровном шоссе — немедленно начинало мутить.

На огромном океанском лайнере качка ощущалась при волнении больше четырёх баллов, а сегодня, судя по сообщению в корабельной газете «Фэлкон ньюс», ожидалось не больше трёх. Должно быть, корабль колыхнула одиночная волна-переросток.

Едва пол выровнялся, Фандорин открыл глаза и прочёл надпись на обороте. Триста лет назад конверты были не в ходу. Частные письма обыкновенно складывали, запечатывали и писали адрес на чистой стороне.

Губы Николая Александровича издали сладострастный причмокивающий звук. Кое-что начинало проясняться.

*«Благородной Госпоже Обер-коммерцсоветнице
Беттине Мёнхле, урождённой Баронессе фон Гетц в Её
собственные Руки.*

Замок Теофельс близ Швебиш-Халля ».

Замок Теофельс когда-то владело семейство фон Дорнов, к которому принадлежал и Ника, посвятивший значительную часть жизни исследованию истории своего рода. Любой документ, имеющий хотя бы самое косвенное отношение к Теофельсу, представлял для Фандорина несомненный интерес.

Знакома ему была и фамилия Мёнхле. Так первоначально звали новых владельцев, к которым замок перешёл в начале восемнадцатого столетия. Потом они сменили имя на более благозвучное, но жена первого из них в самом деле была урождённая Беттина фон Гетц.

Вопрос: кто таков этот Эпин, пишущий почтенной Frau Ober-kommerzienrat¹ столь интригующее послание, притом с нелестной аттестацией в адрес её супруга или, во всяком случае, его хлюпающего носа? И почему вдруг по-английски, а не по-немецки?

Ника ещё раз прочитал обращение («*My truly beloved Bettina*») и подпись («*Your most loving and assured Friend Épine*»). Любопытно. Очень любопытно.

Ай да тётушка. Загадала загадку!

Но разгадывать загадки было любимейшим занятием и в некотором роде даже источником заработка для Николая Александровича. Поэтому головоломки он не испугался, а решил, что попробует совместить плоды образования (как-никак шесть лет Кембриджа плюс четвертьвековой опыт) с дедуктивными способностями.

Он перечёл документ ещё несколько раз, повертел так и этак, пощупал фактуру бумаги, даже понюхал. Аромат безвозвратно ушедшего времени и непостижимой тайны кружил голову. Безвозвратно ли? Так-таки непостижимой? Случалось же ему прежде поворачивать

¹ Госпоже обер-коммерцсоветнице (нем.).

время вспять и отмыкать замки, ключ от которых, казалось, навсегда утерян. Что, если и теперь удастся?

Осмысление прочитанного, а также осмотр, ощупывание, обнюхивание и облизывание (Фандорин ещё и лизнул тёмное пятно, которое осталось от давно искрошившегося сургуча) позволяли со значительной степенью вероятности предполагать следующее.

По профессиональной привычке Ника начал не с текстологического исследования и контент-анализа, а с деталей второстепенных, о которых, бывает, забываешь, если сразу углубиться в содержание.

Документ долго хранился в связке или папке, крест-накрест перехваченной шнурком (виден вдавленный след). Держали его по соседству с другими бумагами, более поздней эпохи (на обороте просматриваются фиолетовые разводы — это от чернил девятнадцатого столетия). Скорее всего, письмо выужено из какого-нибудь частного архива. (Почему частного? Да потому что ни штампа, ни инвентарного номера.)

Бумага французского производства — такую во времена Людовика XIV производили на овернских мануфактурах. Письмо, очевидно, дошло до адресата. Во всяком случае, было распечатано в Теофельсе. (Это заключение можно сделать по разрезу. В первой четверти восемнадцатого века владельцы замка пользовались одним и тем же ножом для бумаги, оставлявшим характерный зигзаг.)

Теперь почерк. Каллиграфический, ровный, почти без индивидуальных особенностей. Так, вне зависимости от пола, писали отпрыски хороших семей, получившие стандартное «благородное» образование. Можно не сомневаться, что мистер или, скорее, мсье (недаром же на Е стоит акцент) Ёрпне происходил из дворянского

рода и обучался в привилегированном учебном заведении — либо же получал образование дома, что тем более означает принадлежность к аристократии.

Лишь после этих предварительных выводов Николай Александрович разрешил себе — с бьющимся сердцем — вникнуть в суть послания.

Под аббревиатурой «С.-М.» наверняка скрывается город Сен-Мало. Это был главный французский порт эпохи. Там обитали богатейшие судовладельцы-арматоры, отважные капитаны и свирепые корсары, наводившие страх на английских купцов.

«Ужасный Мулай» — это, конечно, марокканский султан Мулай-Исмаил, гроза Средиземноморья. Людовик XIV был единственным из европейских владык, кого этот кровожадный деспот чтит и с кем поддерживал постоянные дипломатические отношения. Нет ничего удивительного в том, что загадочный Эпин, которому зачем-то понадобилось совершить путешествие во владения Мулай-Исмаила, был вынужден обратиться к арматору из Сен-Мало. Кроме как на французском корабле попасть в Марокко в 1702 году было невозможно.

Ну, а теперь главное: ради какого «Сокровища» и «Приза», дороже которого нет на свете, вознамерился Эпин предпринять дальнейшее и рискованное плавание, да ещё в столь тяжёлое время? На суше и на море уж скоро год, как шла большая резня, вошедшая в историю под названием Войны за испанское наследство.

Вот, пожалуй, и всё, что можно выудить из этого листка бумаги. Тётя Синтия наверняка знает что-то ещё. Достаточно вспомнить, как значительно поглядела она на племянника поверх очков своими небесно-голубыми глазками, как воздела костлявый палец и прошепта-

ла: «Возьми и прочти. Я хотела сделать это позже, но после того, что случилось... Ты сам всё поймёшь, ты умный мальчик. А я должна прийти в себя. Выйду через 96 минут» — и величественно укатила на своей коляске в спальню.

Среди прочих чудачеств, старая дама в последнее время ещё и увлекалась нумерологией. Самыми благоприятными числами считала 8 и 12. Сон продолжительностью в восемь на двенадцать минут должен был полностью восстановить её физические и нравственные силы, подорванные инцидентом в бассейне.

Четверть часа назад, получив от тёти документ, Ника был слегка заинтригован, не более. Теперь же буквально бурлил от нетерпения. Ждать ещё час двадцать, пока тётушка соизволит выйти и ответить на вопросы? Это было невыносимо.

Но, зная Синтию, Фандорин отлично понимал: другого выхода нет. Ещё никому и никогда не удавалось заставить мисс Борсхед переменить принятое решение.

К тому же потрясение действительно было нешуточным. Старушка безусловно нуждалась в отдыхе.

ТЁТЯ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ

Николас Фэндорин (так звучало имя Николая Александровича на британский манер) очутился среди пассажиров тринадцатипалубного лайнера «Falcon»,¹ следующего маршрутом Саутгемптон — Карибы — Саутгемптон, не по своей охоте. В «люкс-апартамент» круизного теплохода Нику поместила воля двух женщин, и трудно сказать, с какой из сторон на магистра было оказано больше давления.

Первая из дам приходилась ему двоюродной тётей. Кузина покойной матери мисс Синтия Борсхед, старая дева, всю жизнь проведшая в кентском поместье, с самого рождения доставляла родственнику массу хлопот. Она безусловно любила своего «маленького Ники», но, будучи существом взбалмошным и эксцентричным, изливала свою любовь очень утомительными способами. Во-первых, она всегда знала, что́ он должен делать и чего не должен. Во-вторых, без конца ссорилась с ним и мирилась, причём в результате ссор «навсегда вычёркивала неблагодарного из своей жизни», а в результате примирений дарила ему дорогие, но чреватые проблемами подарки.

Два недавних примера.

На сорокапятилетие мисс Борсхед прислала племяннику в подарок золотые часы XVIII века, усыпанные

¹ «Сокол» (англ.).

мелкими бриллиантами. Сначала за них пришлось уплатить таможенную пошлину, которая произвела зияющую пробоину в семейном бюджете. Далее оказалось, что у золотой луковицы двенадцатичасовой завод и её надо подкручивать дважды в сутки, а про это не всегда вспомнишь. И вообще, довольно глупо выглядит интеллигентный человек, который выуживает из кармана такое помпезное тюрлюрю — будто какой-нибудь Майкл Джексон или Киркоров. А оно ведь ещё и отзванивает «Боже храни короля», обычно в самый неподходящий момент. Главная же катастрофа приключилась, когда в капризном хронометре что-то сломалось. По бестолковости Николай Александрович не удосужился спросить, во сколько обойдётся починка, до ремонта. Ну а потом было уже поздно. Чтоб расплатиться с мастером, пришлось продавать машину... Избавиться же от часов не представлялось возможным. Тётя очень хорошо помнила все свои подарки и часто интересовалась, пользуется ли ими племянник.

Ах, что часы! На последний день рождения Ника получил от тётушки подарочек того пуще. Озабоченная тем, что мальчик растеряет в России последние остатки аристократических манер, Синтия преподнесла бедному Фандорину $\frac{1}{7}$ чистокровного жеребца. Одна седьмая означала, что конём он владел на паях ещё с шестью собственниками и мог кататься один раз в неделю. Вороного Стюарта Пятого тётя разыскала на сайте шикарного подмосковного клуба, пленилась звучным именем и фотографиями, заплатила какие-то сумасшедшие деньги — и Николай Александрович оказался совладельцем злобного кусачего монстра, к которому и подойти было боязно.

Дальше так: плата за членство в клубе (пришлось брать заём в банке); ежемесячные собрания с остальными

ми шестью компаньонами (ну и рожи! ну и разговоры!); по понедельникам поездки за город, через многочасовые пробки, чтобы покормить Стюарта Пятого сахарной морковкой и сделать очередную фотографию для тётушки.

Карибский круиз тоже был подарком — к 910-летию рода Фандориных. (Сам же Ника когда-то и раскопал, что первый фон Дорн получил рыцарские шпоры в 1099 году.) На девятисотлетие тётя, помнится, прислала спецрейлером конную статую Тео Крестоносца для установки на дачном участке — но кошмарную эпопею с памятником предка лучше не вспоминать. Сколько ушло денег, времени и нервов на то, чтобы избавиться от каменного чудища!

Теперь, стало быть, новая причуда — океанское плавание.

Три года назад мисс Борсхед перенесла инсульт, усадивший её в инвалидное кресло, однако не перешла к пассивному образу жизни, а наоборот, всемерно активизировала lifestyle.¹ Пока ходила на своих двоих, очень неохотно покидала пределы Борсхед-хауса и не читала ничего кроме «Дейли телеграф». Теперь же освоила Интернет, существенно расширила круг интересов и пристрастилась к путешествиям. По убеждению Николаса, причиной были упрямство и неисправимая поперечность характера. Ничто не смело ограничивать свободы Синтии Борсхед, даже параплегия нижних конечностей.

На приглашение составить тёте компанию в морском круизе Николай Александрович ответил вежливым, но решительным отказом. Слишком хорошо он себе представлял, во что это выльется.

¹ Образ жизни (*англ.*).

Три недели он будет внимать поучениям, как исправить свою незадавшуюся жизнь. Тётя считала «маленького Ники» неудачником и, возможно, была права, но давать советы другим он тоже умел. Это, собственно, составляло его профессию. Знал он и тётины представления о «правильной жизни». Штука в том, что не все люди на свете правильные, а если человек неправильный, то и жить ему следует тоже неправильно.

Три недели будет выслушивать шпильки в адрес жены. Алтын и Синтия друг друга на дух не выносили, и тётушка всё ждала, когда же у племянника наконец раскроются глаза. После истории с принцессой Дианой мисс Борсхед стала чуть терпимей относиться к разводам, допуская их целесообразность в некоторых исключительных случаях. (Нечего и говорить, что брак Николаса относился именно к этой категории.)

А ещё магистр подозревал, что главной причиной, по которой тётя так настойчиво звала его в круиз, был титул баронета, который Фандорин унаследовал от отца. Синтия Борсхед родилась в семье чаеоторговца, разбогатевшего в послевоенные годы, и, как это часто бывает с детьми нуворишей, придавала очень большое значение аристократическим глупостям. Она держалась гранд-дамой. Носила только антикварные драгоценности и любила обронить в разговоре имя какого-нибудь титулованного знакомого. Стало быть, в течение трёх недель она будет знакомить Нику со скучными стариками и старухами, говоря со значением: «Сэр Николас, второй баронет Фэндорин, мой племянник». С той же целью — чтобы выглядеть побарственней — некоторые заводят породистого пса: борзую или левретку. «Неужто я, дожив до седых волос, ни на что лучшее не годен?» — пожаловался Ника жене. (Белые волоски он у

себя обнаружил недавно, расстроился, словно получил повестку с того света, и теперь всё время поминал свои седины.)

Отвязаться от тётки Синтии было очень непросто, но в конце концов Николай Александрович, наверное, отбил бы — если бы собственная супруга не нанесла магистру удар в спину. Алтын отнеслась к его жалобам без сочувствия, а сразу и безапелляционно заявила: «Поедешь, как миленький».

Хотя удивляться было нечему. Супруга у Ники была дама прагматичная, целиком сосредоточенная на интересах своей семьи. А дела у Фандориных в последнее время шли неважно.

Консультационная фирма «Страна Советов» и до кризиса перебивалась с хлеба на квас. Природа обделила Николая Александровича деловой хваткой. Мало быть хорошим профессионалом, надо ещё уметь свои способности продавать — а это тоже требует профессионализма, но иного рода. Агента или менеджера, который рекламировал бы достоинства гениального консультанта, отсеивал невыгодные заказы и выжимал максимум из выгодных, у Фандорина не было. Сам же он предпочитал браться за дела интересные, от неинтересных уваливал. При этом заработок обычно сушили дела скучные, а дела увлекательные частенько оборачивались прямым ущербом.

Взять хоть минувший год.

Самый неинтересный заказ: найти рекламный ход для продвижения на рынок нетрадиционного для России спиртного продукта. Напиток назывался кальвадос и никак не желал продаваться в массовых количествах, ибо название его трудно выговаривалось, а вкус ассо-

цировался у населения с яблочным самогоном. Однако заказчик, мини-олигарх с разнообразными финансовыми интересами, очень любил благородный нормандский напиток, верил в его российское будущее и уже купил во Франции компанию по его производству. Как быть?

Консультант изучил весь портфель инвестиционной активности клиента и быстро нашёл эффективное решение, не требующее дополнительных затрат. Среди прочих проектов, энтузиаст яблочного бренди вложил в съёмку телесериала про brutального, хладнокровного опера по прозвищу Ментол. Рабочее название проекта было «Вам с Ментолом?». Николай Александрович предложил поменять герою кличку на Кальвадос. Прошёлся по сценарию, кое-что подправил. Мол, у милиционера такая привычка: он изживает из своего словаря ненормативную лексику — заменяет её словом «кальвадос». Например, «кальвадос тебе в глотку», «ребята, нам кальвадос настал» и так далее. Возникает комический эффект, звучное словечко застревает в памяти телеаудитории. Название сериала будет «Полный Кальвадос». Заказчик от идеи пришёл в восторг. На полученный гонорар Фандорин заказал себе в офис дубовый книжный стеллаж во всю стену — давно о таком мечтал.

Самое интересное дело в минувшем году было такое: по зашифрованной грамотке XVI века найти клад, зарытый на реке Оскол во время нашествия крымского хана Девлет Гирея. Месяц захватывающей работы в архивах и умопомрачительного дедуктирования, две недели ползания по оврагам с металлоискателем — и наконец блестящий триумф: найден кувшин с парой сотен серебряных «чекушек». Общая стоимость клада по акту — пятнадцать тысяч рублей, при этом находку конфисковала местная милиция из-за неправильно оформленного